

Т. ИВАНОВА

Лермонтов

(Продолжение. Начало см. „Сталинское знамя“ № 127—142)

Вся комната была заставлена фантастическими столами, полками и полочками, на которых аккуратно расставлены и разложены книги, журналы, газеты.

За высоким столом в костюме алхимика солидно восседал Краевский. В этом костюме почтенный редактор имел обыкновение ходить дома. Краевский был погружен в корректуры.

Личный кабинет наполнялся смехом, живой, остроумной болтовней. Слышался последний литературный анекдот, светская сплетня, свежая политическая новость. Разговор дышал колким остроумием, был пересыпан эпиграммами.

Распашалившись, Лермонтов произвел в чинном кабинете Краевского целую дуплету. Он носился по комнате. Все его движения были так легки и гибки, что, казалось, у него совсем нет костей, хотя плечи и грудь поэта были очень широки. Корректуры и бумаги Краевского летели по полу, а иногда среди них в своем костюме алхимика барахтались и сам почтенный редактор.

Визит обычно был не долг. Перевернув все вверх дном и прочитав новые стихи, Лермонтов уезжал, а Краевский, оставшись один, поправлял свои волосы и отражал вал одежды.

По вечерам Лермонтов бывал у Карамзиных. В салоне Екатерины Андреевны Карамзиной, вдовы историка, в течение многих лет собиралась самая культурная часть русского общества. В скромной гостиной со старинной обстановкой, с мебелью, обитой красным вышитым штофом, за большим са-

моваром Екатерина Андреевна разливала чай. Здесь царил атмосфера радушия и добродетельности. В этой гостиной за чашкой чая встречались вельможи и дипломаты, писатели и художники, певцы и музыканты. Обсуждалась последняя политическая новость, только что вышедшая книга, выдавались дипломы на литературные таланты.

У Карамзиных была свежая память о Пушкине. Он был здесь своим человеком. В этом доме его любили, как друга, и читали, как поэта.

Поэтесса Ростопчина называла дом Карамзиных «Где мне хорошо», это тихий «приют беседы просвещенной, «жизнище светлых дум». Салон Карамзиных она противопоставляла пустому и фальшивому свету:

Там говорят и думают по-русски,
Там чувством родины проникнуты сердца;
Там чинность модная своею цепью узкой
Не душит, не теснит. *)

Душой салона была дочь историка от первого брака Софья Николаевна. Слшком большого, почти мужского роста, с крупными чертами лица, с необычайно густыми, точно кистью намазанными бровями—она была нехороша собой. Но под этой грубой наружностью таилась обаятельная мягкость и детская непосредственность. Она обладала настоящим

*) Е. П. Ростопчина. „Где мне хорошо“. Сочинения. СПб. 1890 г., т. I стр. 42.

галантом организовывать общество, доводя умение руководить беседой до степени искусства.

Лермонтов был дружен с Софьей Николаевной и писал ей в альбом: Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поупру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор.

В атмосфере, насыщенной умственной жизнью, за тихой, просвещенной беседой в гостиной Карамзиных часто проводил Лермонтов свои вечера. Утром он писал стихи, а вечером читал их у Карамзиных.

В салоне Карамзиных часто звучал смех, слышалась веселая шутка. Лермонтов был изобретателем на выдумки и шалости. Он часто смешил все общество.

Однажды Лермонтов объявил, что хочет прочитать в тесном кругу друзей новый роман под вымышленным «Штосс» и что для этого ему понадобится часа четыре. Все собрались. Двери для посторонних были в этот вечер закрыты. Входит Лермонтов с огромной тетрадкой подмышкой. Принесли лампу, заперли двери, началось чтение. Спустя четверть часа, все было кончено. Лермонтов заманил собравшихся первой главой только начатой им накануне страшной истории «Штосс». Этой истории так и не суждено было быть законченной. Кроме исписанных двенадцати страниц в тетрадь была белая бумага.

В альбом той же Софье Николаевне Лермонтов писал:

Люблю я парадоксы ваши
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С(мирновой) шуточку, фарсу
Сашу
И Ишки М(ятлева) стихи...

Александра Осиповна Смирнова (урожденная Россет) была тоже

своим человеком у Карамзиных. Красивая, умная женщина—она была другом Пушкина, Гоголя, Жуковского, «Черноская Россет», навывал ее Пушкин, «оживая ласточка, смугло-румяная красота наша». Саша — брат Софии Николаевны, — Александр Николаевич Карамзин, а «Ишка Мятлев» — Иван Петрович Мятлев — светский остряк, стихотворец, импровизатор. Это был фейерверк остроумия. Остроты Мятлева звучали и в салоне Карамзиных. Мятлев любил стихотворные пародии и часто смешивал французские и русские слова. Он писал Е. П. Ростопчиной перед ее отъездом в деревню:

Вы в дорогу? Бон вояж!
Не ленитесь, не зевайте,
Петербург не забывайте,
Но, войдя в экономи,
Часов в восемь в деми,
Утро каждое вставайте!
И смотрите, примечайте,
Как коровушек доят,
Как гусей и поросят
Сортируют, разбирают,
Как фремауси бер собирают... *)

В этом шутильном мятлевском стиле Лермонтов писал своей кузине А. А. Углицкой:

Ma chère Alexandrine,
Простите же ву при,
За мой армейский чин
Все, что je vous ecrit.

У Карамзиных Лермонтов часто встречался с Ростопчиной, с которой у него старинная дружба. В ее стихах этих лет слышались темы, близкие Лермонтову,— тема Кавказа, страстная жажда жизни.

Пусть долгим поплачусь страданием

За сладкий миг, за ясный день!
Я совладаю с испытаньем,
Но жить хочу!.. Не так, как
Как дух, как призрал бестелесный,
Нет! полной жизнью земной,

*) И. П. Мятлев. Сочинения. 1893 г. стр. 56.

Кипучей, страстной и чудесной! *)

Перед отъездом Лермонтова Ростопчина подарила ему книгу своих стихов с надписью: «Михайлу Юрьевичу Лермонтову в знак уважения к его таланту и дружбы искренней».

Лермонтов писал ей:
Я верю, под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.

(Графине Ростопчиной. 1841 г. т. II, стр. 118).

По субботам Лермонтов бывал у Владимира Федоровича Одоевского. Это был известный писатель, романист и философ, историк и теоретик музыки. У Одоевского, как и у Карамзиных собирался цвет просвещенного Петербурга. Здесь можно было видеть андреевского кавалера, непринужденно беседующего с ученым в гороховом сюртуке. Всех объединяла демократическая гуманность хозяина, его приветливый взгляд и милый детский смех.

На субботях Одоевского лежала печать его философических настроений и музыкальных вкусов. В его скромной квартире с прекрасной библиотекой устраивались первоклассные музыкальные вечера. С добродушной торжественностью звучала речь хозяина: «В начале XIX века, Шедлинг был тем же, чем Христофор Колумб в XV: он открыл человеку..... его душу!» **)

Здесь шли разговоры о немецкой философии, об английской промышленности, о европейском просвещении и успехах ума, о движении человечества. «Что такое мы?» — раздавался вопрос. «Что нам оставили на долю наши предшественники? Зачем мы живем?» и суровая критика современного общества.

*) Е. П. Ростопчина. „Нежившая душа“. 1835 г. Сочинения. СПб. 1890 г., т. I, стр. 33.

**) В. Ф. Одоевский. „Русские ночи“. Сочинения 1844 г. часть I стр. 15.

ства: «Все общество незаконные войны, самое безнравственное из преступлений, наполняют страны человеческой истории; внутри общества... холодный порок, холодное искусство, горячее, живое лицемерие, и бесстыдное безверие во все...» *)

В кругу друзей и знакомых Лермонтов часто читает «Демона». С Кавказа он привез с собой заново переписанную рукопись. Это была большая тетрадь листового формата, шитая из десяти обыкновенной белой писчей бумаги. Поэма была переписана четко и разборчиво, без поправки на правой стороне листа, а левая оставалась чистой.

Слух о новой поэме Лермонтова дошел до двора, и ее потребовали для прочтения. Лермонтов отдал переписывать рукопись каллиграфически, выкинув из нее кое-что по цензурным соображениям. Так, был снят крй переписке диалог Тамары и Демона о боге:

Тамара.

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон.

Против тебя ли?
Тамара.

Нас могут слышать!...
Демон.

Мы одни.

Тамара.

А бог!

Демон.

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

Тамара.

А наказание; муки ада?

Демон.

Так что ж? ты будешь там со мной!

(Т. III, стр. 477).

Срок отпуска Лермонтова окончился, но Арсеньева и ее друзья усиленно хлопотали об отставке. Хлопоты пока не увенчались успехом.

*) В. Ф. Одоевский „Русские ночи“, там же, стр. 27.

пехом, зато ступил был продлен. «Уж если дадут отсрочку за отсрочкой, то и совсем выпустят», говорил Лермонтов.

В апрельской книжке «Отечественных записок» была напечатана «Родина». Незадолго перед тем Белинский писал Боткину: «...Лермонтов еще в Петере. Если будет напечатана его «Родина» — то, аллах-керим, что за вещь — пушкинская», т. е. одна из лучших пушкинских...» *)

Замечательную оценку этому стихотворению много лет спустя даст Добролюбов. «Лермонтов», напишет Добролюбов, «умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе». Доклеветательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он «становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно...» **)

Неожиданно наступила развязка. Лермонтову было предложено выехать в 48 часов. Поэт не ждал этого, и приказ об отъезде поразило его как гром.

Друзья провожали Лермонтова с тревогой и тоской. В. Ф. Одоевский подарил ему на прощанье свою записку тетрадь с надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанную».

Лермонтов уезжал с тяжелыми предчувствиями:

«Прощай, немая Россия...»

*) В. Г. Белинский — В. П. Боткину. 13 марта 1841 г.

**) Н. А. Добролюбов. „О степени участия народности в развитии русской литературы“. Сочинения, т. I Гихл. 1934 г. стр. 238.